

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
84/4 (2024), 1047–1053
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/4 (2024), 1047–1053
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124040102

G.-P. SCHIETINGER (Hrsg.). *Gnaeus Pompeius Magnus. Ausnahmekarrierist, Netzwerker und Machtstrategie. Beiträge der Heidelberger Pompeius-Tagung am 24. September 2014. Rahden (Westfalen): Verlag Marie Leidorf, 2019. XIX + 229 S. ISBN: 978-3-86757-271-2*

Рецензируемая книга представляет собой сборник докладов, сделанных на посвященной Помпею конференции, состоявшейся в сентябре 2014 г. в Гейдельбергском университете.

Сборник открывается вступительной статьей Георга-Филиппа Шитингера (с. ix–xix), в которой дается общая оценка политической деятельности Помпея. Автор характеризует главного героя книги эпитетами, которые вынесены в заглавие (и которые весьма непросто перевести на русский язык): *Machtstrategie/Machtpolitiker* («опирающийся на силу стратег/политик»), *Ausnahmekarrierist* («человек, стремящийся к исключительной карьере») и *Netzwerker* («организатор сети социальных взаимодействий»). Рассмотрение этих аспектов его деятельности и заявляется как главная цель сборника (с. xiv). Шитингер отмечает, что, хотя в молодости Помпей и участвовал в гражданской войне на стороне Суллы, по своим методам он имел много общего с Марием: и тот, и другой использовали для достижения своих целей лояльных себе плебейских трибунов. Однако если Марий никогда не скрывал своих истинных замыслов, Помпей регулярно прибегал к лицемерию и притворству. Несмотря на сходство, Помпея нельзя рассматривать ни как «политического наследника» Мария, ни как настоящего популяр: используя методы популярных, он всегда имел в виду отнюдь не нужды государства или плебса, а лишь собственные интересы (с. x–xii). Правда, не очень понятно, какой смысл автор вкладывает в термины «популяр» и «оптимат», ибо, как хорошо известно, в историографии нет единства по вопросу об их конкретном значении. Весьма спорен и тезис Шитингера, будто Помпей был гораздо более гибким политиком, чем Марий, которому практически всегда приходилось преодолевать сопротивление сената, тогда как Помпей часто действовал при поддержке сенатского большинства и в согласии с ним, например, при получении

Разделы рецензии, написанные А.В.Короленковым, подготовлены в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (тема FZNF-2023-0003, «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

командования в войне против Сертория или при назначении консулом без коллег в 52 г.¹ (с. xii). В действительности же сопротивление сената Марию сильно преувеличено — достаточно напомнить, что *patres* год за годом давали ему право избираться консулом в конце 100-х годов, хотя могли бы просто продлевать ему полномочия², что вряд ли можно себе представить, если бы Марий постоянно преодолевал их противодействие.

Хартмут Блум в статье «Помпей: поражение, которое противоречило всем расчетам» (с. 1–28) анализирует политическую карьеру Помпея, не имевшую прецедентов в истории Республики. Этому анализу предшествует подробное рассмотрение образа Помпея в немецкой литературе — трудах Т. Моммзена, Эд. Мейера, М. Гельцера, К. Криста, Э. Бальтруша (с. 1–6). Историографический обзор можно признать довольно полезным, но приходится сожалеть, что автор ограничился лишь немецкими работами. Блум приходит к выводу, что в своей деятельности Помпей всегда руководствовался несколькими «наставлениями» или «уроками» (*Lektionen*), которые он извлек из собственного опыта и наблюдений за политической жизнью Поздней республики. На раннем этапе карьеры (до первого консульства в 70 г. и сразу после него) он старался сделать так, чтобы в его распоряжении постоянно находилось готовое к бою войско, — на тот случай, если представится возможность побороться за очередное чрезвычайное командование. После победы над Митридатом VI Помпей через Кв. Цецилия Метелла Непота пытался в 63 г. добиться поручения подавить выступление Катилины (с. 13). Вернувшись с Востока, Помпей продолжал проводить в жизнь свой план, целью которого было упрочение его политических позиций. Для этого он ежегодно в период с 62 по 59 г. старался провести в консулы и в плебейские трибуны по крайней мере одного «своего» человека. Думается, автор несколько переоценивает Помпея, который в его трактовке всегда расчетлив, предусмотрителен и почти не совершает ошибок, а если и совершает, то их можно рационально объяснить и оправдать. Поражение Помпея в гражданской войне, с точки зрения Блума, не было предопределено его предшествующими действиями и являлось в значительной мере исторической случайностью: у войны свои законы, и если дело дошло до применения вооруженной силы, прежние политические достижения в значительной степени теряют свое значение. Между тем чисто военный аспект противостояния Помпея и Цезаря в статье практически не анализируется, поэтому главная идея Блума не выглядит достаточно обоснованной.

В статье «Первый консулат Помпея Магна в 70 г. до н. э.» (с. 29–60) Крешимир Матиевич обсуждает широкий круг вопросов, связанных с событиями не только консулата Помпея, но и предшествующего года. Он не согласен с Ф. Верватом, вернувшимся к старой точке зрения³, будто полководец оказывал давление на сенат с помощью армии, которую не пожелал распустить, — нет никаких признаков того, что сенат чувствовал себя стесненным в своих решениях из-за скрытой

¹ Все даты, относящиеся к античности, — до н. э.

² См. Meier 1988, 314.

³ Матиевич указывает на недостаточное знание Верватом историографии, но при этом и сам упускает из виду весьма важные работы (см. Rossi 1965; Dzino 2002; Ferrary 1975).

угрозы со стороны Помпея, даже когда речь шла о предоставлении ему права избираться в обход *lex Cornelia de magistratibus*. Не просматривается и оппозиция большей части сената реформам 70 г. При этом если закон о правах трибунов Помпей предложил сам, то внесение закона о судах он лишь «допустил» (Plut. *Pomp.* 22. 4), и сказать что-то более конкретное на сей счет мы не можем. Очень вероятно причастность Помпея к восстановлению цензуры, учитывая, что оба цензора, Л. Геллий и Гн. Лентул Клодиан, были связаны с ним. Другое предположение Матиевича весьма спорно: он считает, что цензоры исключили из сената по большей части тех людей, которые снискали себе дурную репутацию в качестве присяжных и наместников провинций, а также оказывали сопротивление реформам. Первое подтверждается лишь в отношении отдельных лиц, а второе вообще не находит опоры в источниках.

В то же время интересны соображения Матиевича об отношении Помпея к сулланскому порядку. С одной стороны, тот, не будучи даже сенатором, добивался триумфа, помог стать консулом Лепиду⁴, пощадил многих лепиданцев и серторианцев, провел реформы в 70 г., с другой — обеспечил проведение пышных похорон Суллы⁵, казнил многих врагов его режима, воевал с теми же Лепидом и Серторием. Можно согласиться с Э.С. Грузным, что Помпей не видел противоречия в том, чтобы бороться с врагами Суллы и в то же время отменять его законы (или добиваться исключения для себя). Политика Помпея не была ни сулланской, ни антисулланской, он просто обеспечивал свои политические интересы, сотрудничая при необходимости и с плебейскими трибунами, и с большинством сената. То же можно сказать и о других политиках того времени. «Твердый» сулланец Кв. Катул высказался в пользу консулата Помпея и низко оценивал работу сулланских судов, хотя в других случаях защищал решения диктатора. Так же мало оснований думать, будто Г. Котта «дезертировал» из сулланской *Kerngruppe*, проведя в 75 г. закон, разрешавший трибунам продолжать сенаторскую карьеру после отбытия должности. Здесь, полагает автор, полезно провести параллель со временем после гибели Цезаря, применительно к которому противопоставление «цезарианцев» «помпеянцам» и «республиканцам» лишь мешает понять суть событий. Защита дела почившего диктатора использовалась лишь как весьма удобное средство достижения собственных целей, и то же можно сказать о Помпее.

Статья Шитингера «Несостоявшаяся диктатура. Заметки к возвращению Помпея с Востока в 62 г. до н. э.» (с. 61–91) посвящена рассмотрению обстоятельств возвращения победоносного римского полководца в Италию. По мнению автора, Помпей предвидел те трудности, с которыми он столкнется при реализации двух главных своих целей, — утверждения своих распоряжений на Востоке

⁴ Вполне вероятно, однако, что Помпей не столько обеспечил избрание Лепида (Plut. *Pomp.* 15. 1–2), сколько поддержал сильнейшего (Rosenblitt 2019, 35–36).

⁵ Думается, Плутарх (*Pomp.* 15. 4), как и в случае с выборами Лепида, преувеличил здесь роль Помпея в событиях. Тот не был сенатором и участвовать в публичном обсуждении вопроса не мог (Gelzer 1973, 45 — применительно к чуть более поздней ситуации), и непонятно, как он мог оказать неформальное давление на Лепида. Как не без остроумия замечает Б. Тваймен, Плутарх «приписывает Помпею роль Катула» (Twyman 1972, 839, п. 109).

и обеспечения земель своих ветеранов. Шитингер полагает, что полководец возлагал большие надежды на историю с заговором Катилины, которая давала ему «превосходный предлог, чтобы в качестве спасителя Италии двинуться со своим войском на Рим и захватить единоличную власть» (с. 64). Под этим углом зрения автор рассматривает уже упомянутое выше предложение плебейского трибуна Метелла Непота вызвать Помпея в Италию для подавления заговора Катилины, которое он считает попыткой добиться предоставления полководцу диктаторских полномочий (с. 74–82)⁶. Метелл Непот, который служил на Востоке легатом Помпея⁷, возвратился в Рим по поручению последнего, чтобы выставить свою кандидатуру на выборах в плебейские трибуны. Из изложения не совсем ясно, поставил ли Помпей, по мнению Шитингера, перед своим шурином такую задачу изначально, отправляя его на родину, или же данный план возник позже — а это вопрос немаловажный. Автор пишет, что Метелл Непот возвратился в Рим в конце 63 г. (с. 63), из чего может создаться впечатление, будто он склоняется к первому варианту. Однако это выглядит маловероятным: насколько мы можем судить на основании имеющихся отрывочных данных, в период Поздней республики выборы плебейских трибунов обычно проходили в июле⁸. Поэтому Метелл Непот, скорее всего, приехал с Востока в первой половине 63 г., еще до консульских выборов на 62 г. и возникновения заговора Катилины. После того как попытка Непота провалилась, столкнувшись с ожесточенным сопротивлением многих сенаторов (прежде всего М. Катона), Помпей, по мнению Шитингера, не решился использовать для поддержки своих притязаний военную силу, так как это привело бы к падению его авторитета и утрате возможности сотрудничать с сенатом, без чего он едва ли мог надеяться надолго закрепить достигнутые успехи (с. 86–89).

В статье Кристиана Роллингера «Маленькие друзья большого Помпея. Amicitiae и ближний круг политика в Поздней республике» (с. 93–137) рассматриваются «дружеские связи» Помпея (в специфически римском понимании дружбы как отношений, основанных на взаимных услугах и обязательствах). Главное место Роллингер уделяет взаимоотношениям римского полководца со своими бывшими легатами (с. 105–110), а также его выступлениям в суде в поддержку своих amici в качестве защитника, advocatus или laudator (с. 112–126). Автор отмечает, что Помпей далеко не всем своим «друзьям» приходил на помощь в случае нужды: например, в 59 г. он не стал поддерживать на суде своего бывшего легата Л. Валерия Флакка; в 58 г. не захотел даже попытаться спасти от изгнания Цицерона; в 51 г. оставил на произвол судьбы обвиненного в насильственных действиях (de vi) Кв. Помпея Руфа, который в свой плебейский трибунат в 52 г. проводил дружественную по отношению к нему политику и т. д. (с. 118–123). Тем самым Помпей нередко нарушал негласные правила римской amicitia, полагаясь

⁶ Здесь Шитингер полемизирует с К. Майером, по мнению которого Помпей пытался при помощи Метелла Непота добиться разрешения в свое отсутствие избираться консулом на 61 г. (Meier 1962, 105–106, 110–111).

⁷ Кроме того, Метелл Непот был шурином Помпея, который был тогда женат на его сводной сестре Муции Терции.

⁸ Mommsen 1887, 585.

на свое «высокое положение» в государстве (с. 132). Эти особенности поведения Помпея автор связывает с его происхождением и воспитанием: тот был выходцем из незнатной семьи, не имел знаменитых предков, юность и большую часть взрослой жизни провел в военном лагере. Он не прошел социализации, которую проходили отпрыски аристократических семейств, и не имел возможности прочно усвоить понятия и правила поведения, принятые в кругу римской правящей элиты (с. 130–131).

Нильс Штеффенсен в статье «Помпей и принципат. Толкование Веллеем Партеркулом перемен в политической системе» (с. 139–177) рассматривает образ Помпея в труде этого римского историка, сравнивая его с образом Тиберия. В историографии тех лет, где изложение событий все чаще начиналось с конца Республики, этот труд, формально являвшийся всемирной историей, выглядел скорее исключением. Его цель – показать контраст между хаосом гражданских войн и восстановлением порядка при принципате. Веллей избегает идеологизации политики, событийная история сосредоточивается на интересах и конфликтах разных лиц, в чьих поступках лишь изредка дает о себе знать идеологическая мотивация. Особое место среди героев труда Веллея занимает Помпей, о поведении и целях которого он рассуждает больше, чем о ком-либо другом. Во многих аспектах изображение Помпея позитивно, но это во многом дезавуируется оценкой Помпея как *Machtpolitiker*. Он, как подчеркивает Веллей, не мог вынести, чтобы кто-то сравнился с ним в *dignitas* (II. 29. 4), причем даже в стилистическом оформлении этого тезиса чувствуется влияние Цезаря (*BC*. I. 4. 4). Борьба за *dignitas*, честь и признание в обществе, как считалось, привела Рим к мировому господству, однако со временем эта борьба приобрела чрезмерные масштабы. Помпей с его амбициями в глазах Веллея – один из тех нобилей, которые своим соперничеством подрывали устои свободного общества. Подчеркивается, в частности, что он устранял конкурентов сомнительными маневрами и незаконными средствами. Парадокс, однако, в том, что «не с революционными и криминальными элементами во внутренней политике [Рима] начиная со 146 г. до н. э., а с защитником сената в гражданской войне связывает Веллей кризис Республики. Поэтому портрет Помпея имеет программно-дидактическое, ключевое значение для его труда» (с. 153).

При полностью изменившихся исторических условиях антиподом Помпея у Веллея выступает Тиберий, чей принципат вопреки господствующему мнению Штеффенсен считает новым этапом римской истории, а не продолжением истории восстановленной Республики. Разногласия, сопровождавшие его вступление во власть, писатель изображает как опасное возвращение к кризису Республики. Смерть Августа показала, насколько зыбок фундамент, на котором покоилось государство, и после нее возник страх перед новыми потрясениями. Не Тиберий ограничил свободу или положил ей конец, а нобилитет, когда просил его принять власть. Тиберий становится принципсом только в силу случайных исторических обстоятельств, учитывая политическую необходимость. Он оказывается последним, хотя и неудачливым защитником *res publica libera*, без него, по Веллею, римская держава погибла бы. Во времена же Поздней республики, наоборот, шла борьба за принципат во зло государству. Помпей у Веллея – пример

тенденции, которая, начавшись при восхождении Рима к мировому господству, привела к установлению принципата. Однако даже Августу не удалось добиться настоящей стабильности, которая наступила лишь при Тиберии, компенсируя утрату гражданского равенства и свободы. Тиберий у Веллея борется с последствиями того развития, которое наиболее ярко воплощал амбициозный Помпей.

Выкладки Штеффенсена весьма интересны и по-своему логичны, но у них есть один изъян: сам Веллей нигде сравнения между Помпеем и Тиберием не проводит, что превращает изложенную версию в умозрительную конструкцию, хотя, бесспорно, не лишенную ценных наблюдений. Думается, ученый несколько преувеличивает отрицательные черты в образе Помпея у Веллея, забывая, что в 52 г. тот включил деда историка в число 360 судей в уголовных комиссиях — несомненная честь для человека из итальянской фамилии, впервые занявшего должность в Городе⁹. Возможно, именно этим объясняется сугубый интерес Веллея к полководцу, о котором он пишет гораздо больше, чем даже о Цезаре.

Завершает сборник очерк Хильмара Клинкотта «Помпей и его “архитектура власти”» (с. 179—207). В центре внимания автора стоит строительная деятельность Помпея, которую тот развернул после своего возвращения с Востока. Полководец воздвиг целый комплекс зданий на принадлежавшем ему огромном участке земли на Марсовом поле, который с самого начала задумывался как единое целое. В центре его находился знаменитый театр Помпея, увенчанный храмом Венеры Победительницы и освященный осенью 55 г., — первое в Риме стационарное здание для театральных представлений. Театр должен был стать памятником самому Помпею и его победам. К этому зданию примыкал портик Помпея, как и театр, украшенный статуями и другими выдающимися произведениями искусства, которые были размещены таким образом, чтобы напоминать о подвигах полководца. С южной стороны площадь замыкал роскошный портик, известный под разными названиями (*Hekatomostylon*, *Porticus Lentulorum*, *Porticus ad Nationes*), который воздвигли офицеры Помпея П. Корнелий Лентул Спинтер и Л. Корнелий Лентул Крус. С востока к портику Помпея была пристроена курия Помпея — почти квадратное в плане здание, предназначенное для заседаний сената. В непосредственной близости Помпей воздвиг для себя новый роскошный дом. Эта строительная программа не имела в Риме precedents и напоминала об эллинистических царских резиденциях — Александрии и Пергаме. Построенный Помпеем комплекс, который стал предшественником императорских форумов эпохи Принципата, должен был стать новым политическим центром Рима.

Общее заключение к сборнику отсутствует, и завершается он указателями имен, понятий и источников.

Подводя итог, отметим, что на фоне повышенного внимания к институциональным вопросам интерес к роли личности несколько снизился, и потому само обращение к такой фигуре римской истории, как Помпей, можно только приветствовать. Думается, однако, что авторам не так легко удастся открыть новые грани в его деятельности, поскольку многие их тезисы, направленные на это, далеко не всегда выглядят убедительно. Тем не менее и сами такие попытки, и многие

⁹Vell. II. 76. 1; Woodman 1983, 185.

конкретные наблюдения участников сборника представляют несомненную ценность, и книга, бесспорно, привлечет внимание тех, кто интересуется историей Поздней римской республики и фигурой Помпея.

Литература / References

- Dzino, D. 2002: Annus Mirabilis: 70 BC Re-examined. *Ancient History* 32/2, 99–117.
Ferrary, J.-L. 1975: Cicéron et la loi judiciaire de Cotta (70 av. J.-C.). *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité* 87/1, 321–348.
Gelzer, M. 1973: *Pompeius*. München.
Meier, Chr. 1962: Pompeius' Rückkehr aus dem Mithridatischen Kriege und die Catilinarische Verschwörung. *Athenaeum* 40, 103–125.
Meier, Chr. 1988: *Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. 2. Aufl. Wiesbaden.
Mommsen, T. 1887: *Römisches Staatsrecht*. 3. Aufl. Leipzig.
Rosenblitt, A. 2019: *Roma after Sulla*. London–Oxford.
Rossi, R.F. 1965: Sulla lotta politica in Roma dopo la morte di Silla. *Parola del Passato* 21, 133–152.
Twyman, B. 1972: The Metelli, Pompeius and Prosopography. In: H. Temporini, W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. I. *Politische Geschichte*. Berlin–Boston, 816–874.
Woodman, A.J. 1983: *Velleius Paterculus. The Caesarian and Augustan Narrative* (2. 41–93). Cambridge.

Anton V. Korolenkov,

State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

Acknowledgements: State Academic University for the Humanities, project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, theme FZNF-2023-0003 «Traditions and values of the society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history», no. 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

Vyacheslav K. Khrustalev,

Herzen State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia;

Pskov State University
Pskov, Russia

E-mail: vyacheslav2511@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3174-9028

A.B. Короленков,

к.и.н., доцент
Государственного академического
университета гуманитарных наук
Москва, Россия

В.К. Хрусталёв,

к. и. н., доцент
кафедры всеобщей истории института истории и
социальных наук Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
научный сотрудник
лаборатории «Центр комплексного изучения
проблем региональной безопасности»
Псковского государственного университета,
Псков, Россия